

Андрей Болдырев

«На трёх слонах и черепахе...»

Болдырев Андрей Владимирович родился в 1984 г. в Курске. Окончил филологический факультет КГУ в 2007 г. Стихи публиковались в журналах «Арион», «Нева», «Сибирские огни», «Кольцо А», «Плавучий мост», «Новый Гильгамеш», и др., в нескольких антологиях. Лауреат «Илья-премии» (2006), победитель Волошинского конкурса в номинации «При жизни быть не книгой, а тетрадкой» (2015), лауреат премии им. Риммы Казаковой «Начало» (2017). Автор книг «Моря нет» (М.: Воймега, 2016), «Средство связи» (М.: СТиХИ, 2020). Женат, воспитывает четверых детей.

Белый налив

Молодость зелёная – постой-ка,
наливайся соком добела.
...Вместо сада будет новостройка,
заревёт бензопила.

Или неминуемая осень
от родных ветвей наверняка
оторвёт тебя, ударит оземь
и намнёт бока.

Этот вкус забудется едва ли,
кисло-сладкий. Во дворе у нас
падалицу в детстве собирали
на грядущий Спас.

Cura te ipsum

«Мы живём в самой лучшей на свете», –
Крысолов выдувает в дуду.
В интернете как малые дети,
не накликать бы мышкой беду –

тотчас в дверь постучат времена без
революций, страшней, чем Хатынь.

Что за слово такое «анамнез»? –
нихт ферштейн эту вашу латынь.

Ты ли в чудо не веришь, безбожник? –
по больницам – в крестовый поход!
Ничего, приложи подорожник,
капни йоду – и смерть отойдёт.

* * *

памяти Геннадия Бодрова

Прощёным будет воскресенье,
в убийстве не найдут мотива.
И в поле снег, и в поле зрения
смерть из-за фотообъектива.
Весь белый свет зальётся красным,
проявит зверя в человеке.

Душа бессмертна и прекрасна,
хоть за душою ни копейки.

О, чёрно-белая Россия! –
числа нет снимкам без названия.
Как больно, как невыносимо
твоеё в любви признание.

* * *

Март всыпал нам по первое число:
дороги, тротуары замело –
и было не пройти и не проехать.
Приказано: копать от сих до сих,
одну лопату дали на двоих,
по очереди, типа, не помеха.
Оценивая общий фронт работ,
мы костерили вслух небесный фронт,
и – на чём свет стоит – начальство.
Как в космос вышли в сильный снегопад...

...Всё это было ровно жизнь назад,
но снится мне отчётливо и часто.

Кто тот второй, что в снах моих живёт?
И неужели память врёт и врёт,
реальное и вымысел миксуя?
Кто я такой, когда в своей лежу
постели тёплой, жизнью не рискуя?

...К противотанковому приковать ежу,
сжечь заживо, агонию смакуя.
Прогресс был нужен только для того,
чтоб человек сжёг человека
за-жи-во
и, сделав фото, слил его в соцсеть;
чтоб, как погоду обсуждая смерть,
звонил коллега бывший по работе.
А март всё тот же, что сто лет назад:
снег укрывает на земле солдат
и только разговоров, что о фронте.

Выходной

Сегодня миру был я очень нужен,
чтоб разгрести весь ворох новостей,
но вместо этого сварганил ужин,
помыл посуду, искупал детей.

Под вечер распогодится. Пока мы
семьёй гуляем в сад, потом – назад,
на всей земле, нон-стопом, без рекламы
творится натуральный ад.

Ни дня без сводок из горячих точек.
И эту жизнь, в бессилии своём,
любить до смерти, сыновей и дочек
обнявши перед сном.

* * *

По аллеям и бульварам,
с юных лет и до седин,
с головой-воздушным шаром,
ходит тихий гражданин,
а его на этом свете
мама за руку ведёт,
а не то – подхватит ветер
и на небо заберёт.

День придёт – и свет забрезжит
сквозь густые облака:
сына больше не удержит
охладевшая рука,
ветром в небеса подхвачен
улетит он – и опять
будет по аллеям мальчик
с мамой за руку гулять.

* * *

Как бельмо у города на глазу
старый дом стоит на юру.
Я воды из колонки домой принесу,
будет мама купать сестру.

Я большой совсем в сапогах отца,
на затылок ушанка сползла.
А собака соседская из-за угла
и рычит, и бросается.

Плачь не плачь – иди за водой давай.
Нет к колонке другого пути.
Мама станет ругаться: ты где ходил?
Хоть за смертью тебя посылай.

А собака лохмата была и зла,
но куда-то пропала потом.
Я за смертью ходил, я глядел ей в глаза,
мальчик-с-пальчик с пустым ведром.

* * *

Я щи с фасолью и грибами
в канун Страстной томил всю ночь.
В обед горячими слезами
рыдает над тарелкой дочь.

Ей плохо всё: грибы, капуста,
морковь, петрушка и фасоль.
И сознавать до боли грустно:
суповарение – искусство,
а ты попроще быть изволь.

В Страстную пятницу блажен и
свят, кто гордыне вопреки,
поймёт, что сам несовершенен,
как щи и эти вот стихи.

...Не зарастёт на сердце рана,
но твой ребёнок сам в семь лет,

готовит первый свой обед:
зелёный лук, вода из крана
и соль – вкуснее точно нет.

Первое июня

Крик матери и гнев отца,
а я один за всё в ответе.
И горю не было конца,
ведь больше всех страдают дети.

Я ничего тогда не знал
о жизни и животном страхе,
но худо-бедно мир стоял
на трёх слонах и черепахе.

Со школы памятный рубец:
будильник в семь утра разбудит,

а в зеркале глядит отец,
и страшно думать, что же будет,

нет, не со мной, а с ней и с ней,
и с этими двумя помладше.
Мир оказался не прочней
ночных кошмаров детских наших.

...У приграничья рёв арты,
молчат сурово терриконы,
а я готовлю у плиты
шебекинские макароны.

* * *

Теперь, когда все маски сброшены,
покровы тайн мадридских сорваны,
хорошие и нехорошие
отделены, рассортированы,
вопросы вечные отвечены
и круг друзей теснее галстука;
когда тебя расчеловечили
те, что из солнца лепят свастику;
теперь, когда не нужно выбора
и всё уляжется со временем;
когда всё шиворот-навыворот
с любезной ловкостью поменяно; -
я выхожу из дома полночью,
чтоб мусор вынести на мусорку.
Чирикаешь вот с Божьей помощью
под ветра северного музыку,
и невдомёк тебе, болезному,
что нюни распустил как маленький,

как долго вглядываться в бездну
смертельно раненому в Марьинке.

Русская смута

1.

Весть дурную слышали мы от гонца,
что царёво войско бежит с Донца.
Нехорошие разговоры
поползли, мол, сдаваться пришла пора,
а Москва гуляет, царь у одра,
а князья да бояре – воры.

2.

Все вокруг ликуют: сменилась власть.
Недовольным тут же заткнули пасть.
Пировали – хватили лишка.
И уже на майдане гудит народ,
стольный град горит, а в реке плывёт
убиенный Отрепьев Гришка.

3.

Полыхает война на родной земле,
а бояре о мире твердят в Кремле,
лишь бы им усидеть покрепче.
Не сдаётся только честной народ,
всё на фронт последнее отдаёт
и выходит врагу навстречу.

4.

Разобьём врага и его обоз,
помогай Христос, генерал Мороз.
Что бы враг у себя ни калякал –
на Руси есть забава с древнейших пор:
интервентам клятым давать отпор –
немцам, шведам, ляхам.

5.

Ложь сладка и рассчитана на дурака.
Только вера в Отечество наше крепка,

потому – неполжива.
Мы одна страна, мы один народ,
а язык до Киева доведёт.
С нами – Бог, значит, будем живы!

* * *

Время гудит жестоко.
Время летит как сон.
Видели б позднего Блока,
это, сказали б, не он.

Света во тьме стрематься,
тихо сморкаясь в рукав.
Ходит вас тут двенадцать,
дай вам пиу-пиу, паф-паф.

В снег революции вмерзлый,
голову наклоня,
кто там, как бомж облезлый,
греется у огня?

Страшная сказка на ночь:
варвары, Третий Рим.
Ну, наливай, Сан Саныч,
после поговорим.

Железнодорожный романс

Она придёт с работы поздно,
но проводить не опоздает.
Когда б не пять минут до поезда,
остался б насовсем? Кто знает.

Как в фильмах (в резком замедлении)
её рука моей коснётся –
и всё былое – на мгновение –
романсом пошлым отзовётся.

За пять минут натарабарисься:
«Я встретил Вас» и всё такое.
Ах, не травите душу, барышня.
Багаж мой – книги и спиртное.

И что до сердца Вам, где бонусом –
любви большой воспоминания?
Вот скорый зашипел и тронулся
в ночь – не до скорого свидания.

* * *

Жизнь прожив до известного кризиса,
вижу робкой надежды просвет:
десять лет безлимитного фитнеса
предлагает мне пёстрый буклет.

Маркетологи верят, я вынесу
эти десять прекраснейших лет
с тараканами всеми своими, со
всем, чем страшен диагноз «поэт».

* * *

Край родной – ломоть отрезанный,
ставший горла поперёк.
Будет мама в день отъезда
подносить к глазам платок.

Ноутбук как связи средство,
стул, к которому привык,
утварь кухонная, книг
стопка – вот и всё наследство.

Комната стоит без мебели.
Жили-были – словно не были.

Наметает южный ветер
снега в аэропорту.
Серебристый ангел смерти
набирает высоту.

На прощание соврёшь: там
с вами встретимся потом –
и идёшь по хлебным крошкам
в занесённый снегом дом.